

А.Н. Покровский

Харьковский национальный университет радиоэлектроники,
к. филос. н., доцент каф. философии

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Массовое внедрение в социальную коммуникацию информационных технологий приводит к интенсивной деформации актуальных коммуникативных практик, что неизбежно сказывается на процессах социализации и идентификации личности. Проблемное рассмотрение сущности этих процессов представляется одной из значимых задач современной философской антропологии.

Ключевые слова: информационное общество; социальная структура; социализация личности; идентификация.

А.М. Покровський

ДЕЯКІ АСПЕКТИ ПОЛОЖЕННЯ ОСОБИСТОСТІ В СОЦІАЛЬНОМУ ПРОСТОРІ ІНФОРМАЦІЙНОГО СУСПІЛЬСТВА

Масове впровадження в соціальну комунікацію інформаційних технологій призводить до інтенсивної деформації актуальних комунікативних практик, що неминуче позначається на процесах соціалізації та ідентифікації особистості. Проблемний розгляд сутності цих процесів є одним із значущих завдань сучасної філософської антропології.

Ключові слова: інформаційне суспільство; соціальна структура; соціалізація особистості; ідентифікація.

A.N. Pokrovskiy

SOME ASPECTS OF THE PERSON POSITION IN THE SOCIAL SPACE OF THE INFORMATION SOCIETY

The massive introduction of information technologies in social communication leads to severe deformation of actual communicative practices, which inevitably affects the processes of socialization and identification of the person. The problematic discussion of the nature of these processes is one of the most important tasks of modern philosophical anthropology.

Key words: information society; society structure; personality socialization; identification.

Вся история человеческих обществ – это постоянное совершенствование и усложнение социальной среды, сопровождаемое соответствующим усложнением и развитием культуры как социально воссоздаваемого механизма функционирования общественной системы. Как следствие, личностная организация человека также претерпевает значительные изменения, так как формируется в результате воздействия культурного пространства на индивида. Сам по себе этот процесс очевиден и всесторонне изучен как в социально-антропологическом, так и в философском контексте. Однако в периоды значительных изменений структуры социального пространства любые его деформации нуждаются в детальном анализе. Интерес представляет как осознание сути самих этих изменений, так и выявление отдалённых последствий и возможных рисков.

Чем интенсивнее изменения социальной структуры и обеспечивающего ее нормальное функционирование аппарата обеспечения существования, тем более

динамичными становятся процессы культурного развития. Как следствие, более неустойчивым оказывается положение личности. Подобные ситуации несут в себе как угрозы, так и новые возможности индивидуального и социального развития, освобождения человека от ограничений предыдущих эпох, что, однако, совсем не означает невозможности появления новых ограничений или несвобод. Именно эти соображения обуславливают необходимость выработки как можно более проработанных представлений о том, какие факторы оказывают первостепенное влияние на культурное пространство и процессы формирования типовой структуры личности в условиях современного общества, одной из знаковых характеристик которого является интенсивная информатизация.

Развитие информационного общества обусловило невиданное по своей интенсивности расширение пространства коммуникации и возможностей ее осуществления. Параллельно происходит бурное развитие новых видов деятельности и связанных с ними отношений. Что касается проблемы существования личности в этих новых условиях, то она представляет более комплексную задачу, нежели анализ влияния новых информационных технологий на различные аспекты человеческой жизни. Нужно учитывать, что сама информационная революция базируется на определенных необходимых предпосылках экономического, политического, научно-технического, социально-культурного характера. Эти предпосылки включают в себя, как следствие, и некоторые особенные черты личностной организации человека, порожденные всей предшествующей логикой развития Западной цивилизации.

Поэтому проблема личности в информационном обществе подразумевает двунаправленное рассмотрение. С одной стороны, важным является вопрос о том, как новые аспекты общественного устройства, порождаемые информатизацией, влияют на личность человека. С другой – каковы факторы формирования и развертывания самой «информационной революции», обусловившей процесс формирования информационного общества. Эту двоякость важно учитывать потому, что далеко не все специфические особенности информационного общества являются следствием процессов информатизации. А значит, далеко не все изменения, касающиеся условий существования человека, и факторов, влияющих на формирование и развитие его личности в условиях информационного общества, являются продуктом специфически именно информационного общества. Многие процессы и изменения, актуальные для информационного общества, либо являются генетически принадлежащими предшествующим эпохам, либо возникли в недавнее время, но не являются непосредственными следствиями информатизации. К тому же, понимая реальные механизмы развертывания информационной революции, можно глубже понять то, как эти факторы влияют на личность человека, встраиваясь в структуру возникающего информационного общества и структуру господствующего типа личности.

Значимые изменения в социальной организации и функционировании общественной системы неизбежно приводят к определенным изменениям в тех социальных структурах, которые призваны обеспечивать процесс формирования и развития личности. Чем интенсивнее эти изменения, тем, вероятно, более спонтанным и неорганизованным может становиться процесс социализации. В данном контексте информационное общество представляет собой весьма неустойчивую систему, порождающую как невиданные никогда прежде возможности интенсификации и углубления личностного развития, так и противоположные тенденции, которые проявляются наиболее рельефно именно в контексте социализации.

Условия пребывания личности в рамках современных коммуникационных структур, функционирование которых основывается на новейших информационных технологиях, весьма специфичны и противоречивы. Прежде всего, в условиях нового

коммуникативного пространства минимизируется роль традиционных социальных посредников¹ (правительственные, экономические, образовательные, профессиональные институты). Современные технологии качественно повышают возможности отдельного индивида оказывать значимое воздействие на информационное пространство. Причем эти возможности лишь в малой степени зависят от той социальной позиции, которую индивид занимает в «реальной» социальной структуре. То есть статус участника сетевой коммуникации не зависит напрямую от других его формальных социальных статусов. Это открывает перед индивидом невиданные ранее возможности социальной адаптации, основанные исключительно на его личных качествах и навыках.

Как следствие, наблюдается качественное сокращение социальных дистанций между профанным (любительским) и профессиональным уровнями большинства видов деятельности, которые традиционно существовали в разных социальных измерениях¹. Это, безусловно, способствует как интенсивной трансляции опыта и информации, так и возникновению новых отношений, напрямую соединяющих различные области социальной деятельности или уровни социальной иерархии. Такие отношения, безусловно, являются важным социальным ресурсом и имеют позитивные следствия, так как воссоздают целостность социальной структуры, ускоряют циркуляцию коллективного опыта, «сшивают» расплывающуюся ткань общества глубокой специализации и многоуровневой иерархии.

Уменьшение роли традиционных посредников и «социальных фильтров», наблюдающееся в современном информационном пространстве, в принципе, является позитивным, так как ведет к большему плюрализму и возможности развертывания свободной от внешних ограничений коммуникации. Но в некоторых случаях отсутствие контролирующих инстанций может быть не таким однозначно позитивным, например, когда одна из взаимодействующих сторон оказывается неадекватна ситуации.

В таком уязвимом положении по очевидным причинам чаще всего оказываются незрелые в социальном плане (дети, подростки) и некомпетентные лица или люди с неустойчивой личностной организацией. В то же время, индивиды, страдающие психическими расстройствами, или имеющие негативную мотивацию, могут использовать такое отсутствие контроля для реализации своих патологических или преступных устремлений. Возможная анонимность участников сети, безусловно, играет в этом контексте важную роль.

Традиционные модели социальных отношений предотвращают большинство ситуаций такого рода, так как основываются на публичности контактов и личном присутствии участников, что вырабатывает у последних устойчивые формы социального взаимодействия. Но эти модели не работают в новых условиях, что ставит важную проблему регуляторных механизмов, которые бы функционировали в условиях нового информационного пространства. Здесь возникает парадокс: нормальное функционирование новых коммуникативных сетей требует наличия условий, традиционные механизмы воспроизводства которых сами эти сети во многом и подрывают, пока не формируя взамен действительных альтернатив.

Новые средства коммуникации увеличивают интенсивность информационных процессов, ускоряют информационный обмен. Любой участник такой коммуникации взаимодействует уже не с малыми группами, представленными конкретными индивидами в рамках устойчивых отношений, как это происходит в рамках традиционной социальной деятельности, а с неопределенным множеством потенциально доступных респондентов, с неким абстрактным коллективным субъектом, неотделимым от технических средств его презентации. Это может оборачиваться минимизацией значения отдельных участников коммуникации, обесмысливанием вообще всякой индивидуальной активности, т.е. масовизацией.

Проблема усугубляется специфическим сочетанием нивелированности участников коммуникации и возможностями копирования и распространения информации. В таких условиях всякая традиционная авторитетность¹ становится условной, да и первоначальный источник информации зачастую не поддается идентификации, что, в сочетании с лавинообразным ростом объемов информации, неизбежно приводит к появлению «информационного мусора»². В таких условиях некомпетентный участник коммуникации лишается возможности адекватно оценить источник (ресурс) или содержание (контекст) информационного сообщения. Да и само понятие компетентности становится весьма условным.

В широком смысле проблема личности в информационном пространстве может быть сформулирована в категориях цели и средства. Современная среда коммуникации и информационные технологии – это наиболее универсальное средство решения очень широкого спектра задач: от поиска информации или знакомств до создания новых сообществ и социальных структур. Важным при этом становится вопрос о том, в каких целях используется это средство, кто формулирует эти цели и вырабатывает механизмы их достижения – то есть кто (или что) выступает в качестве субъекта целеполагания. Вопрос, в конечном итоге, вновь сводится к степени развитости, компетентности и, как следствие, ответственности личности, уровню ее социального развития и устойчивости социальных структур, как традиционных, так и возникающих в рамках новых – уже информационных – сообществ.

Нет никаких гарантий того, что тенденции развития информационной среды, порожденные предшествующей эпохой («эпохой СМИ»), не окажутся доминирующими и в новых условиях. Хотя Интернет изначально создавался как среда специализированного взаимодействия, экономические факторы очень быстро заняли в этой новой среде доминирующее положение. Интересы личности и сообществ по-прежнему противостоят корпоративным интересам, основанным на максимизации прибыли. Социальная структура, сформированная в условиях рыночного режима, сдерживает развитие нерыночных механизмов взаимодействия. Очевидно, что без глубоких изменений ценностных и нормативных представлений, без выработки новых моделей социального поведения (альтернативных господствующим исключительно рыночным моделям)³, на основе которых действует личность, реальные сдвиги в этой области кажутся маловероятными.

В данном контексте и приобретает особую важность проблема идентичности. Идентичность понимается как внутренняя тождественность личности, то есть специфическое ощущение непрерывности и цельности собственного существования при одновременном признании этого тождества окружающими. То есть идентичность подразумевает устойчивое представление о себе как о живом существе, имеющем историю (биографию), как о члене социальных групп и общества, как о действительном источнике собственных поступков.

В то же время, понятие идентичности отражает социальную природу человека, так как идентичность формируется в процессе социализации, когда личность интериоризирует базисные культурные установки, которые становятся установками самой личности. На основе этих представлений и возникает первичное мнение о себе, например, о правильности или неправильности своих действий. В дальнейшем формируется уже собственно личностное представление о себе как уникальном, свободно действующем индивиде. Оно возникает на основе устойчивых реакций других людей на действия и сам факт присутствия личности. Устойчивая идентичность, в том числе и идентификация себя с определенными «значимыми другими» является следствием (и критерием) удачной социализации.

В этой связи возникает вопрос о возможностях формирования устойчивой идентичности в условиях информационного общества. Здесь возможны две кардинально противоположные точки зрения. Первая оценивает формирование информационного общества как условие качественного роста возможностей развития личности, расширения ее свободы и творческих потенциалов¹. Второй подход менее оптимистичен и акцентирует внимание на тех угрозах для личности, которые возникают в новых условиях. Обе точки зрения признают кардинальность изменений и кризисный характер их протекания. Однако оценка этих явлений сильно различается.

Например, Э. Гидденс утверждал в начале 90-х годов прошлого века (то есть одновременно с Э. Тоффлером), что наблюдаются явные признаки кризиса идентичности, причины которого кроются в порожденном средствами массовой информации виртуальном мире, который оказался лишенным большинства *существенных для личной и коллективной идентичности* связей и характеристик. Оказалась разрушенной «связь времен», заменяемая потоком «сенсаций», которые привлекают внимание, но отвлекают от действительных проблем. Повседневность оказывается плоской и скучной в сравнении с виртуальным миром телевизионных программ, модных журналов, безудержной коммуникации с помощью современных средств связи (многочасовые разговоры по телефону или бесконечные «беседы» в чатах), к которым прибавились компьютерные онлайн-игры. Формы коммуникации массово подменяют содержание. С этой точки зрения, виртуальная реальность не возникла вместе с компьютером, а лишь распространила свои пределы на новые коммуникационные и вычислительные системы.

Тем не менее, в рамках информационного общества формируются и свои специфические угрозы, прежде всего сами особенности структурной организации коммуникативного пространства. Прежде всего, спонтанность, фрагментарность, временность многих – если не большинства – взаимодействий. Единственной возможной социальной базой для такого типа взаимодействий, не основанных на длительном совместном опыте и отсутствии полного представления о ситуации, является *доверие*. Доверие обозначает наличие уверенности в том, что все участники взаимодействия разделяют общепризнанные стандарты деятельности и оценивают реальность схожим образом.

В условиях формальных (экономических, правовых) взаимодействий существуют стандартные формы договорных отношений, которые подчиняют поведение сторон юридическим нормам. Если же имеется социальное взаимодействие в широком смысле, которое традиционно основывается на неформальном социальном контроле и добровольном соблюдении норм, то оно становится невозможным без доверия сторон друг другу. В условиях анонимности, являющейся неотъемлемой чертой современных коммуникативных сетей, проблема доверия становится первостепенной, но при этом именно анонимность окончательно подрывает саму возможность доверия.

Единственным действенным выходом оказывается использование юридической регуляции во всех видах значимых отношений и вырождение тех из них, которые не могут быть в достаточной степени формализованы. Само по себе такое регулирование призвано гарантировать соблюдение прав сторон, но свидетельствует о стремительном сокращении ресурса доверия и способности социальных систем к *саморегуляции*. Личность оказывается в ситуации неопределенности: либо ограничить взаимодействие узким кругом, то есть вернуться к традиционной модели коммуникации и выпасть из «современности», либо всё же включиться в коммуникацию без достаточных гарантий. Поэтому, с одной стороны, отношения вырождаются в поверхностное взаимодействие, которое не может обернуться серьезными негативными последствиями; но, в то же время, происходит рост злоупотреблений, мошенничества и преступлений против личности.

Отсутствие выраженной структурированности современного коммуникационного пространства компенсируется либо «известностью» ресурса, либо рейтингом, определяемым частотой обращений, либо числом голосов. Именно эти – зачастую эфемерные, случайные показатели – и формируют «доверенную зону» Интернет-пространства, ярким примером чего может служить уже достаточно оформившаяся блогосфера с её надутыми рейтинговыми «мыльными пузырями». Вне этого пространства коммуникация либо возвращается в рамки традиционного взаимодействия в малых группах лично ответственных участников или основанных на компетентности профессионально ориентированных сообществ, либо распадается на изолированные транзакции – банальный информационный обмен, не обеспечивающий приращения смысловых содержаний.

Причина этого кроется как в объективных особенностях самой современной системы коммуникации, так и в субъективных особенностях ее участников. Что касается объективных условий, то они заключаются в возможности радикального отклонения от дискуссии, принципиальной анонимности участников и, как следствие, отсутствии любых устойчивых структур и критериев оценки деятельности и участников. Среди субъективных факторов прежде всего выделяются нарушения социализации и идентичности участников: функциональная безграмотность, некомпетентность, личностная и социальная неадекватность ситуации, массивное пренебрежение или незнание базовых правил языка (что приводит к возникновению ложных смыслов и контекстов), откровенное пренебрежение ключевыми нормами социального взаимодействия, разница целевых установок и ожиданий. Чем более спонтанным является взаимодействие, тем в большей степени проявляются оба набора негативных факторов.

Структурная организация господствующего в определенном обществе типа личности (и в первую очередь идентичность) в определенной мере соответствует структуре господствующих в этом обществе отношений. Структурная организация отношений подразумевает определенные типовые формы взаимодействия, основанные на базисных представлениях и нормах.

Формируя специфическую среду взаимодействия, господствующая модель организации социальных отношений создает среду максимального благоприятствования определенным типам или особенностям личностной организации. Решающее значение играют доминирующие культурные и деятельностные установки, на которых основываются типовые модели организации отношений и осуществления деятельности. Очевидно, что легче всего в такие требования вписывается индивид, обладающий соответствующей структурой личности, так как его деятельность в этих условиях будет сопряжена с минимальными психологическими и социальными *издержками*.

Гибкость или относительность условий и норм взаимодействия, которая не подавляет отклоняющееся поведение или делает это непоследовательно, ставит нормативную личность, обладающую устойчивой идентичностью, в заведомо невыгодные условия, так как следование нормам или моральным принципам в такой ситуации сопряжено со значительными «невозвратными» социальными издержками. Традиционные модели взаимодействия поощряли эти издержки важными социальными ресурсами (уважение, доверие, авторитет), выражающимися в так называемом «кредите доверия», который являлся основным «социальным капиталом». В новых условиях коммуникации этот капитал может значительно или полностью потерять значение, подобно тому, как в условиях формального права деградирует традиционная неформальная регуляция, основанная на базисных этических представлениях. Соответственно могут исчезнуть и те социальные механизмы, которые отвечают за культивирование в личности установок, нацеленных на реализацию нормативной модели социальной адаптации, а основанный на ней тип устойчивой идентичности может быть вытеснен новыми типами. Например,

«мозаичной» идентичностью, порождаемой соответственной «мозаичной», фрагментарной культурой. Этот процесс, очевидно, интенсивно стимулируется и господствующей структурой экономических отношений, в максиме способствующей идентичности, не учитывающей никаких параметров, кроме рыночной эффективности.

Первостепенно важным в таких условиях является вопрос о том, какой же тип адаптации личности станет превалировать в новых условиях: пассивное приспособление к процессам, которые развиваются в силу собственной логики и обстоятельств, или активное освоение социального пространства, и в первую очередь его информационного измерения. Такое активное освоение возможно только путем овладения ключевыми ресурсами и механизмами функционирования общественных систем, которые только и могут наделить личность возможностью контролировать те процессы, в которых она принимает участие.

© Покровский А.Н., 2014

¹ При этом, однако, стоит отметить, что понижение роли традиционных социальных посредников сопровождается превращением самих технических средств коммуникации в нового универсального посредника. Чем в большей степени наши социальные взаимодействия зависят от электронных технологий и устройств (от электронной переписки до электронных платежей и счетов), тем уязвимее они становятся в случае технологических сбоев и тем сложнее контролировать скрытые издержки такого взаимодействия (шпионаж, несанкционированный доступ, взлом, потеря данных, технические детерминанты коммуникации). К тому же, при таком интенсивном увеличении объемов хранимой и обрабатываемой информации, неизбежно будет увеличиваться роль автоматических систем, на которые необходимо будут перекладываться регуляторные функции.

¹ Деятельность профессиональных групп традиционно была малодоступной для внешних участников, так как осуществлялась в определенных локальных инстанциях (учреждения, ВУЗы, НИИ, лаборатории, экспедиции, клубы, общества, собрания, конференции), доступ к которым затруднялся как формальными ограничениями, так и временными или географической рамками. Текущие результаты такой деятельности если и публиковались на страницах специализированной печати, то для адекватного поиска информации в таких источниках необходимы профессиональные навыки. Эти сложности, правда, позволяли в некоторой степени защитить профессиональную деятельность от профанации и искажения в массовом сознании. Но при этом сильно ограничивалась циркуляция знаний.

¹ На авторитетности основываются традиционные модели коммуникативных практик, когда лицо, обладающее известностью либо явными признаками социальной значимости (должность, знания, опыт, эрудиция, иные индивидуальные качества) обладает в коммуникации большим весом, доверием, престижем. При всех слабых сторонах такой модели (ложные авторитеты, злоупотребление доверием), она предоставляет своим участникам определенные устойчивые ориентиры, на основе которых можно строить социальные «системы отсчета» или, по крайней мере, применять санкционирование и статусную иерархию.

² Под «информационным мусором» можно понимать такие информационные ресурсы, которые носят неструктурированный характер, лишены контекстуального содержания, являются результатом копирования не обладающей значимым содержанием информации.

³ Примером такого рода альтернативной модели является так называемая «хакерская этика», которая, хоть и не лишена определенных противоречий и вступает в конфликт с господствующей экономической и даже политической системой, отстаивает идеалы свободной деятельности, подчиненной идее не личной экономической выгоды, а общественной пользы.

¹ К явным апологетам этой позиции можно отнести, например, Э. Тоффлера. Он полагает, что, несмотря на кардинальные изменения уклада жизни и, возможно, даже самого понимания сущности человека, развитие информационного общества должно привести к формированию нового горизонта человеческой свободы и реализации его способностей.